

Литературная страница

1.

Красивый, даже чуточку помпезный,
Себя навек надежно привязал
К стальному тракту, колее железной
Кирпичный старый ельнинский вокзал.
Едва ль могу я описать словами,
Как высотой в один этаж фасад
Кирпичными своими кружевами
Невольно завораживает взгляд.
Кирпич тесать – работа, не игра,
Любовно каждый камешек лелея,
Ни времени, ни пота не жалея,
Творить красу умели мастера...
Сюда прийти мне память приказала.
Восходит солнце, я один стою.
Стою и вспоминаю жизнь вокзала,
Перебирая в памяти свою.
Двадцатый век, конец сороковых,
Еще война недавно отпылала,
Еще на стенах старого вокзала
Видны следы событий роковых.
Еще в руинах многие дома,
Но жизнь идет, уже не свищут пули.
И ельнинский вокзал гудит, как улей,
Хоть лето будь, хоть лютая зима.
Еще асфальт неведом никому.
Большак осилить
может только трактор.
И в поле, и в дороге потому
Одна надежда – лошадиный транспорт.
А если в область, если снег по пояс,
А если дальше ехать, то беда.
Какой автобус?! Поезд, только поезд.
И днем, и ночью ходят поезда.
И днем, и ночью шум и разговор.
У коновязи тихо дремлют кони,
Хромой солдат играет на гармонии.
И наш вокзал, что постоянный двор.
В буфете можно и пивка попить.
Лежит «Казбек»,
в консервах даже крабы,
Но мимо них и мужики, и бабы.
Все это просто не на что купить.
А потому еда – из узелка.
Все ждут скорей усесться по вагонам.
Дымят махрой, а кто и самогоном
Побалуется исподтишка.
И всюду жизнь, внутри и за окном.
Гармонь меха и душу рвет на части.
И в каждом дума только об одном:
О будущем, о хлебе и о счастье...
Так много исковеркала война!
Порушила кроваво и жестоко.
От запада до юга и востока
Теперь вставала на ноги страна.
И пели паровозные гудки.
На грудь земли наваливаясь весом,
Груженные цементом, сталью, лесом,
И днем, и ночью шли товарняки.
От ран своих, оправившись едва,
И Ельня лес в вагоны отгружала.
И на путях под окнами вокзала
Неслась команда громкая: «Раз, два!»
Не кран подъемный – сила женских рук,
Два поката наклонных, две веревки,
Соединенье воли и сноровки,
Да горький вздох, да сердца гулкий стук.
Шесть женщин, а дыхание одно.
И спины, как железные пружины.
Напряжены веревки, нервы, жилы, –
«Раз, два!» И кверху движется бревно.
Тогда мне было восемь лет как раз.
Тех дней забылись многие слова,
Но, кажется, я слышу и сейчас
Команду эту тяжкую: «Раз, два!»
«Раз, два!» И время ускоряет бег.
«Раз, два!» И новый год спешит за годом,
И за его неумолимым ходом
Порой не успевает человек.

2.

Да, бег часов, увы, не удержать.
Уже и кран подъемный стал на рельсы,
И женщины вернулись к жизни сельской,
Чтоб сеять жито и детей рожать.
И новой жизни виделись следы,

Уверенной, спокойной и веселой.
Дороги возводились, клубы, школы,
Дома, больницы, детские сады.
Беды не предвещал грядущий день.
Размеренно земли вращался глобус.
Уже не кони – рейсовый автобус
Возил к вокзалу люд из деревень.
И вдалеку ушла военная страда,
Хоть в памяти людской не позабыта.
И частью неотъемлемою быта,
Как прежде, оставались поезда.
У каждой цели свой резон и срок.
По разным судьбы катятся дорогам.
И был вокзал началом всех дорог,
И был вокзал конечным их итогом.
И я не раз отсюда уезжал,
С родными и знакомыми прощался,
Но с радостью великой возвращался
Туда, где в Ельне ждал меня вокзал,
Знакомый с детства до седых волос,
Откуда жизнь моя брала начало.
И сердце гулко билось и стучало,
И вторил сердцу мерный стук колес.

4.

Я это повторить готов сто раз, –
Кривить душою вовсе не пристало –
Что город начинается с вокзала,
Как с самой первой вешалки – театр.
И наш вокзал, встречая поезда,
Стоит спокойно под спокойным небом.
И так красив, каким, пожалуй, не был
Красивым даже в юные года.
Быть беспорядку – боже упаси!
Асфальт перрона, привокзальной площади.
Какое сено, и какие лошади?
Ждут пассажиров новые такси.
Глаз радуется керамике краса,
Металлочерепица новой крыши.
Вот только жаль, все глуше и все тише
У стен его людские голоса.
Здесь ночь безлюдна и безлюден день.
Теперь бывает пассажиров мало.
В округе нашей, как везде,
За эти годы многих деревень не стало.
Здесь нет торговой точки ни одной.
Буфета нет, нет пива, даже кваса.

Анатолий Панасечкин

На перроне

(поэма)

3.

Все в нашей жизни просто и непросто.
Казалось, ко всему привык народ.
Да только вот
к началу девяностых
Все повернулось на обратный ход.
Нас с пятнами на лысине кумир
Всех одурачил призраком свободы.
И натиска не выдержали своды,
И рухнул дом,
и рухнул прежний мир.
Как страшная холера, как чума
Невиданной свирепости и силы
По городам и весям всей России
Прошлась, порушив души и дома.
И мы все это приняли покорно
И даже взгляд не опустили в пол.
Как будто где-то
стрелочник проворный
Жизнь на другие рельсы перевел.
Травой сорной заросли поля.
Где была пашня, высятся деревья.
С земли уходит русская деревня,
И сиротеет русская земля.
Бросает вызов двадцать первый век.
Меняется погода и природа.
И корни усыхают у народа,
Коль из села уходит человек.
Слабеет вечный зов родных дверей,
И вековые рушатся основы.
В пустых полях от ферм торчат
остовы
Скелетом ископаемых зверей.
Что сделано, то сделано. Теперь
Вздыхать о прошлом поздно
и не стоит.
Мы сами в эту жизнь
открыли дверь,
Не понимая, что ломать,
что строить.
Мы на пути иные перешли
И до сих пор усвоили едва ли,
Что в новой жизни мы приобрели,
А что невосполнимо потеряли.
К какому мы причалили причалу?
Какой проложим далее маршрут?
Вопросов много, но, пожалуй, тут
Опять вернемся к нашему вокзалу.

И в день иной закрыты зал и касса,
Поскольку у кассира выходной.
И, кажется, что вымер целый мир.
Исчезла быть, осталась только небыль.
И в дождь, и в стужу под открытым небом
Ждет поезда печальный пассажир.

5.

Уходят от вокзалов поезда.
Отходят от причалов пароходы.
И незаметно убегают годы,
Почти мгновенно, как в песок вода.
Я все, что было, помню хорошо.
Вокзал, ты был мне памятной вехой.
Теперь уже я к финишу приехал
И на конечной станции сошел.
Я стар и сед. И очень грустно мне,
Что жизни отпускается так мало.
Я на перроне старого вокзала
Стою в пустой и гулкой тишине.
Вокзал, вокзал, я вместе рос с тобой.
Я постарел, ты внешне стал положе
И стал красивей; но скажи мне все же,
Куда девался твой людской прибой?
Ты был всегда открытой дверью в город.
Знал голос пуль и вражьей мины вой,
Знал чуждый говор, слышал смерти голос,
Авиабомбы свист над головой.
Ты видел все: и радости, и беды, –
Запомнил много разных дней и дат,
Встречал домой вернувшихся солдат
В счастливый день – великий день Победы.
Ты был ступенькой первой высоты,
Людские судьбы ставя на проверку,
Был первым шагом чьих-то взлетов кверху,
Шагом осуществления мечты.
Ты был началом дальних расстояний,
Ты слышал песни и людскую речь,
Ты видел слезы горьких расставаний
И слезы счастья долгожданных встреч.
Ты жил всегда взволнованно и трудно.
Здесь день и ночь звучали голоса.
И как-то странно, что бывает людно
Здесь в сутки только полтора часа.
Мне от безлюдья на перроне жутко
И как-то сиротливо на душе...
За горизонт уходит однопутка,
Да только ехать некуда уже.

Ещё одна любовь Егора Акимовича

Егор Акимович Федунин – житель го-
рода Ельни. Недавно наша газета писа-
ла о нём как о добропорядочном семьяни-
не, достойном подражания. Большая лю-
бовь у него и к животным. Но особую
страсть Егор Акимович питает к ку-
рам. До недавнего времени держал их
несколько лет подряд. Полностью с ними
управлялся один: кормил, давал пить,
чистил, утеплял. Супруга помогала
только при выпасе кур и при явной необ-
ходимости. Желание Андреевны подме-
нить мужа ещё в чём-то отвергалось
бесповоротно. «Иди отсюда, не мешай!»
– говорил он ей обычно. При этом нежно
лучились его глаза, а голос звучал в до-
верительно тёплой тональности.

Готовя своим любимцам завтрак и на-
водя порядок под их «спальными» шеста-
ми, Егор Акимович, казалось, забывал, что
существует смена дня и ночи. Никто,
кроме него, в нашем многоквартирном
доме так рано не вставал каждый день.
Минут сорок, а то и больше, пропадал в
сарай и только потом, погасив в нём
свет, шёл в квартиру досыпать. В свет-
лое время суток Егор Акимович иногда
подкармливал курочек и петушка с рук.
Садился на лавку, ставил себе на колени
пакетик с кусками хлеба и поочерёдно
старался дать каждой курице её порцию.
Некоторые куски нужно было растирать
в ладонях, и пока руки хозяина выполняли
эту работу, проворные куры прыгали ему
на колени, пытаясь ухватить пакет.
Вскоре содержимое пакета заканчива-
лось, куры постепенно покидали «подкор-
мочное место», а какая-нибудь из них оби-
женная продолжала сидеть у Егора Аки-
мовича на коленях, а иногда и на плече.
Егор Акимович брал её в руки, гладил по
шее и по голове и, словно извиняясь, на-
верное, мысленно говорил ей: «Ну чего
ты ждёшь? Видишь, пакет пустой? В
следующий раз обязательно уделю тебе
особое внимание».

С прошлого года Федунин стал замет-
но болеть. На улицу почти не выходит.
Кур больше не содержит. Гляжу я на по-
стоянно закрытую дверь его «куриного»
сарайчика и на пустую лавку, и мне ста-
новится грустно, что время так быст-
ро бежит.

Я вчера Акимыча увидел –
Как же ты, сосед мой, постарел!
А когда-то с курочками вместе
Возле хлева каждый день сидел.
Те клевали зёрнышки, что щедро
Ты на травку утром посыпал
И за их «работой» энергичной
С бодрым интересом наблюдаю.
К сожаленью, наша жизнь не вечна,
Побывали в ней и – на покой!
Улетают дни неумолимо
К старости дороною прямою.
Вот и курочек твоих не стало,
И на лавке появилась пыль;
И теперь ты к хлеву ходишь редко,
Опершись на палочку-костыль.
Подойдёшь, откроешь дверь пошире,
Наберёшь зерна для голубей,
Им-то – праздник, а тебе топскиво
Видеть в птицах собственных «курей».

Перебирая фотографии в ожидании гостей

В сиреневой коляске спит ребёнок,
А рядом мама в «золоте» стоит.
Сноп солнца падает на одеяльце Лоры
И Лору тоже щедро золотит.
Папаша смотрит пристально на дочку,
Потом из шкафа камеру берёт,
Жену отводит в сторону немного,
А сам на место женщины встаёт.
«Прекрасный снимок», – говорит супруга,
Муж поправляет: «Кадры на века».
Поцеловал дочурку вместе с мамой
И на прощанье им сказал «пока».
Ушёл отец – и канул в неизвестность,
И мамы милой больше нет моей...
А вот и я в сиреневой коляске
И папочка с улыбкою над ней.

В. Гаврилов.